

Ольга Вересова

*Любовь
Юрки
Ярового*

рассказы сибирской глубинки

Ольга Вересова
Любовь Юрки Ярового

«Издательские решения»

Вересова О.

Любовь Юрки Ярового / О. Вересова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747378-5

Вопреки бытующему в научных кругах мнению о непостижимости феномена любви, я склонен считать, что любовь — это реальное явление. Человек любит потому, что не может не любить. Никогда не любившему человеку невозможно объяснить, что такое любовь... Видимо, вынашивала аналогичные мысли и Ольга Вересова, когда взялась за изложение своего главного опуса — «Любовь Юрки Ярового»! Хаким Фаршид, из монографии «С любовью о любви».

ISBN 978-5-44-747378-5

© Вересова О.
© Издательские решения

Содержание

Любовь Юрки Ярового	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Любовь Юрки Ярового
рассказы сибирской глубинки
Ольга Вересова

© Ольга Вересова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь Юрки Ярового

Илюшка очень изменился за шесть лет, но Юрий узнал его сразу. Тугой толчок в сердце, или онемевшие вдруг ноги, пригвоздили его на исходящей жарким маревом, дороге и заставили стоять, пока оборванный, худенький мальчишка, диковато косясь на него, не прошел мимо. Он знал, что Ольгин, младшенький, был оставлен судом в селе, но встреча, все-таки, стала неожиданностью.

Денег у Юрия не было, друзьями он так и не обзавелся, так что он пребывал трезвый, почти не выходя из обветшалой избенки матери.

В доме привычно пахло замызганным тряпьем и гнилью из подпола, но это было так созвучно его жизни, что он целыми днями сидел у окна и курил самокрутки из остатков отцовского самосада, найденного в кладовке. Недолгие походы в магазин за хлебом, поначалу дававшиеся ему с трудом, стали не столь страшны, но все еще были единственными вылазками за калитку дома.

Центральная улица села была пуста и знойна, как всегда в полдень, и Илюшка уже был далеко, но, все же, самая страшная встреча уже состоялась, и она оказалась именно с ним. Рука остановилась на полпути, так и не совершивши крест – в прохладной синеве глаз мальчишки ему в первую секунду увиделся взгляд Ольги, взгляд их первой встречи пятнадцать лет назад.

Все сложилось бы иначе для него, если бы судьба вновь и вновь, на каждом повороте не сталкивала его с ней. И что? В итоге та же судьба даже не дала ее увидеть, не дала проститься с той, что была единственным существом на земле, ради которого он жил.

Юрий до сих пор помнил то состояние онемения-как будто кто-то высосал всю кровь из тела-с которым он сутки провалялся в погребе сестры, куда она спрятала его от милиции, сунув спасительную бутылку самогона.

Наверху бушевали страсти, сновали машины с мигалками, отыскивая его, птичьими криками доносились голоса, а он бездумно лежал в яме, не ощущая ни холодной сырости земли, ни течения времени, по – детски желая одного – остаться там навсегда.

Илюшка уже скрылся за дверью магазина, когда он, наконец, тронулся с места, но войти сейчас в избу с черным зевом полуразрушенной печи он не мог.

Ноги послушно несли его к реке на заливной плес и безмолвие. Юрий рухнул на песок, так далеко погребенная боль расплзалась по лицу слезами и мутными каплями застревали в щетине.

Странный мир, как странный сон, окружал его и в то же время не принимал в себя ни его самого, ни наплыв массы его обычно разбросанных чувств.

Но Юрий уже давно оставил попытки продавить этот сгусток жизни, чтобы обрести и саму жизнь, и свою дорогу в ней.

Облака плыли над миром тишины, маня своей дальностью, как и в тот день, когда Ольга вдруг встала над ним, бесстыдно ослепляя его, пятнадцатилетнего, просвечивающим сквозь тряпицу платья налитым, пахнувшим запретным, телом.

Взгляд Ольги, откровенно и страшно обнажал его тайну вожделий и мук плоти. Юрий помнил стыд своего бегства сквозь заросли талины и заливистый смех женщины вслед.

С того дня лето превратилось в бесконечное кружение вокруг молоденькой жены старшего брата, в желание вновь пережить изнуряющее волнение и истому разоблачения под ее взглядом.

Дни и ночи этих месяцев слились в упоительное ощущение счастья, но Юрка не помнил ни одного разговора с ней. Их не было, и молчание подчеркивало тайну особых отношений, однако каникулы кончились, и Юрка вернулся в город, где учился на втором курсе техникума.

Единственный из четырех сыновей семейства Яровых он получал образование и обещался стать горожанином.

Была в семье и девчонка – Валька, бесшабашная и беспризорная по молодости, как почти все деревенские последыши в семьях, перегруженных работой по хозяйству в своих усадьбах, на совхозных фермах и полях.

Пожалуй, этот семестр был последним беззаботным временем для Юрки.

На зимних каникулах он уже разглядывал первенца брата и Ольги, все еще живших в родительском доме, и ждущих совхозную квартиру на Центральной усадьбе.

В доме было тесно и многолюдно, а вот все дневные работы по хозяйству легли на его и Ольгины плечи.

Затемно, влезши в самокатки с калошами, Юрий шел на скотный двор и, задавая корм скоту, ожидал тех минут, когда с подойником, вместе с морозными клубами, в коровнике появлялась Ольга.

Скрип снега под ее быстрыми шагами во дворе, был началом почти ритуального счастья целого дня.

Они оставались в доме одни, Ольга в линялом ситчике сновала по кухне, купала малыша, пригулькивая ему что-то в розовую мордашку, простирывала очередную порцию пеленок и, наконец, кормила, утихнув перед телевизором в кресле, вызывая острое томление плоти у Юрки, разбухшей от молока, бело-розовой грудью.

Он выскакивал во двор, вытаскивая ведра с водой, жадно дышал морозом под стрекотание слетевшихся сорок, и мастурбировал под вздохи коров в хлеву.

Томление тела уступало спокойному удовольствию быть рядом с нею, но наступала изнуряющая ночь, в которой он, лежа в проходной комнате, чутко ловил звуки спящего дома и ждал утра, когда рядом с нею был только он.

В последнее воскресенье братья опалили заколотого кабанчика, и это означало конец каникул. Мать уложила в мешок дымящиеся кружки замороженного молока, караваи деревенского хлеба с отрубями, и Васька повез его в город, запрягши жеребчика в новые розвальни

Общага встретила его привычной голодухой и субботними танцами на истертом деревянном полу красного уголка.

Он уходил от них к вечерним улицам Томска, с ярко освещенным витринами и нарядными женщинами, жадно ловил запахи их духов в морозном воздухе, и мысленно раздевал, обнажая томную белизну плеч.

Их лица размывали в памяти лицо Ольги, и он, думая по ночам о ней, почему-то вспоминал фотографию отличницы О. Колесовой на школьной доске почета.

Поговорить о ней с кем – либо он не мог, однокурсники по вечерам пили и таскали девчонок на продавленный диван в подвале, и были ему не интересны мелкими и пошлыми чувствами.

Воспоминания о днях в Каштаково переплетались с мечтами о будущем, все более запутывая его, и уводя из реальности.

Юрка вытянулся и похудел, превращаясь из подростка в юношу. Одичалый и угрюмый, он появлялся на лекциях и незаметно исчезал после занятий тоже никому не интересный.

Весеннюю сессию он сдал сносно и возвращался в Каштаково с чувством отработанных харчей.

В доме было тихо. Васька с семьей перебрался в Центральную усадьбу, братья пастушили на выгонах, Юрка помогал, матери на ферме таскать фляги молока на сепаратор, кормить поросят в усадьбе и предпочитал отцовской рыбалке валяться на берегу.

Каштаково умирало, молодежи было мало, на улицах стояли заколоченные дома, все жители его работали в Центральной усадьбе и по утрам ревели моторы на лодках уезжающих на работу.

Было скучно, Сашка Полуянчик, сосланный на лето к бабке, окончательно озверевший от безделья и игры в дурака, выматерившись, заявил, что возвращается в Вороново.

– Там пацаны понаехали, телки табунами на тырле... Бабкины грядки заебли уже... сёдни, чо у нас? Суббота! Тырла в клубе.

– Так чо? Поедем. – Калош сел, скрестив мосластые ноги и вывалив перед Юркой из трусов мохнатую мошонку.

– А лодка-то где?

– У батяни возьму весельную, до утра покерасиним и вернемся по зорьке.

– Деньжат бы надо, в долг никто не даст. Можя, у кого дома есть?

К ночи клуб забился до отказа, динамики били по мозгам своим «дрын-дрын-дрын», самогонка действовала на славу.

Потом, поверх голов, Юрка увидел Василя, дымившего в толпе женатиков сигаретой, и легкая тень мысли об Ольге пропорхнула в голове, вызвав привычную тоску.

В какой-то момент его взгляд, выхватив в толпе знакомое лицо Ленки Заики, приобрел осмысленность цели. Он выдернул ее, прыгающую обезьяной под грохочущую муру, и, обхватив за плечи, поволок к своей компании.

Будучи, несомненно, пьяным, он очень трезво видел себя со стороны, ведь, если Васька здесь, то и она где-то рядом и видит его, обнимающего деваху.

Ленка бесстыдно прижималась к нему, демонстрируя свою избранность теперь уже городским парнем, и, не ломаясь, тоже пила из горла полуторки.

Юрка не помнил, как прекратили греметь динамики, как свалила вся компания в березняк на Выселках. Он не помнил почти ничего, хотя эта ночь круто изменила его жизнь.

Всё происходящее в лесу восстановило следствие, у него же в сознании виделось омерзительное, белое тело Ленки под какое-то неумелое терзание баяна.

Юрка помнит, что удивлялся, почему в лесу играет баян?

На баяне играл Кешка, и пока дружки возились с Ленкой, он, не пожелавший принять участие в групповом развлечении, сидел поодаль на пеньке и терзал от скуки баян.

Юрий также произносил на суде слова раскаяния в случившемся, но чувствовал лишь ненависть к Ольге, как к причине своего срыва. Его душили рыдания, как только воспоминания этой ночи выплывали со дна. Он помнил свою истерику в траве того березняка, потерянный дружками, и где он проспал до утра.

Посадили всех, баяниста тоже, тем самым уничтожив многие планы и надежды семьи на младшенького.

Через три с половиной года он вернулся в Каштаково.

Попав пьяный под собственный бульдозер, погиб Василий. Старики остались в доме одни, электричество в селе было отключено за нерентабельность, и на столе горела керосиновая лампа.

Темные углы обступали его по вечерам, в ушах стоял гул от тишины, и только стакан самогонки прогонял бессонницу. Шансов на жизнь не было.

Подхарчившись с неделю у стариков, Юрий отплыл на пароме в «Центральную» и нанялся на работу в совхоз скотником. На выгоне уже жили трое скотников, и с ними вместе прошло лето.

Осенью, вместе с молодняком, он вернулся в село и, в первый же день, заявился в дом Ольги, жившей уже с двумя сыновьями. Та, невозмутимо улыбаясь, пригласила к столу и, пока Юрий оглядывался по сторонам, вынесла из детской толстенького малыша.

– На тебя похож. – И впервые, не таясь, он рассмотрел её.

Те же, полные, в откровенной улыбке, губы, пышная прядь русых волос вдоль белого лица. Он забыл её, но не забыл о ней.

Ольга сидела в углу дивана, широко и устойчиво расставив ноги, и, не отводя взгляда от его глаз, медленно разводила половинки кофты, высвобождая грудь для малыша.

– «До сих пор сосет.» – Она, зацепив его взгляд, не отпустила его. – Большой уже, борщи ест, а титьку вынь, да положь».

«Знает... все знает... опять в свои игры принялась...».

Он порывисто встал и шагнул двери. Позади было всё тоже молчание, и оно остановило его.

«Всё повторяется... с чего остановилось... только я не прежний щенок»

Розовая ручонка всё так же, как и несколько лет назад, порхала по её груди.

Усмехнувшись, Юрий сделал это – положил руку на белую, с торчавшим красным соском, грудь.

– Есть будешь, или как? – Будничным тоном спросила она и встала перед ним, обдав запахом тела.

Юрий прижался лбом к замызганному валику дивана, сердце гулко билось где-то в животе.

– Ты что? За мальчика меня принимаешь?

– Тю-тю! Просто проверяю – жив ли тот Юрка. Вставай уже, дети во дворе. Кормить пора. Волнение перерастало в привычную злость и сжимало горло.

– Да ты...! Просто сучка с течкой!

– Ой ли? Да я ли? – Не дала ему закончить Ольга и её полные губы изогнулись в насмешке.

Собственная страсть никогда ранее не оставляла возможности понять Ольгу, и только сейчас её равнодушие резануло по сердцу. Он потух, обескровленный до немоты.

– А, брось! Давай встречу обмоем по-родственному. Васька не дождался, так уж я встречу. —

Она сновала от холодильника к столу, выставляя чашки с едой.

– Старики по тебе убивались, а братья больше языком чесали. Да слезу по пьяни пускали – типа «от сумы и тюрьмы... Да и беда пришла-Васька погиб, вот это горе, так горе! А ты жив, здоров.

Она разлила в стаканы самогонку и пододвинула к нему тарелку с капустой.

– Пил он... Всё к Вальше бегал с бутылкой. Дома-то ребенок, и я ругалась. Пили и на работе, ему в кредит самогон все отпускали... Старики враз слегли, думала, что и их придется хоронить, совсем никакие стали. Надо бы их сюда перевести к зиме. Домишко недорогой купим, на их век хватит. Сеструха твоя, шалава, тоже здесь живет, да на нее надеи нет.

Пьет с Тарзаном что лошадь, к матери на опохмелку ездит, кормится на их пенсию. Дома-то голодуха, где подзаработает на огородах, так с нею самогоном рассчитываются. Да и зачем ей деньги? Все равно на пропой уйдут....

Так буднично и просто начиналась новая жизнь Юрки Ярового. Он понимал это и впитывал каждое мгновение, думая о том, сколько же всему надо было произойти, чтобы судьба, сделав круг, наконец, привела его к ней.

С покупкой дома старикам он договорился быстро, но вот отца перевести не успели. Помер тот в Каштаково в одночасье от прободения язвы на руках жены.

Похоронили его там же. Отвели девять дней и на телеге повезли нехитрый скарб с постаревшей и безучастной ко всему матерью. Еще один заколоченный дом остался в заросшей бурьяном деревне.

Как ни странно, но жизнь складывалась.

Не было зарплаты, не было работы для Ольги, но Юрий не замечал этого, жил для тех, кого любил, был счастлив увидеть её улыбку, отгрести снег со двора, расколоть пару березовых чурок на лучинки для растопки, подбросить сена телке в хлеву – все это были кирпичики в построении будущего.

Затопал малыш по домотканым дорожкам и Юрий вечерами водил его вокруг стола, вложив палец в цепкую ладошку.

Ольга накрывала на стол, взглядывая на них, и этот мир для него был ближе к раю, чем любая иная, беззаботная жизнь.

Многолетняя тоска по Ольге вызрела в нем глубокой любовью в упоительные ночи, что дарили ему чувство мужской состоятельности.

Они сошлись обыденно и просто, как сходятся мужчина и женщина, устав от долгого воздержания и желая близости друг с другом. Наступившее лето, в его воспоминаниях, оказалось самым счастливым временем за всю жизнь Юрки.

Старый каштаковский дом, куда он перевез семью, пахнул побелкой и свежеекрашенными полами.

Детские голоса вновь звенели в этих стенах, а по утрам в кухне стояло ведро с парным молоком. Он закрывал глаза и позволял себе окунуться в чувства пятнадцатилетнего юнца, впервые оглушенного женской плотью.

Это волновало до предела. Сейчас он мог сгрести в охапку эту, распирающую халатик, плоть и отнести под палящими лучами солнца в сумрак комнаты, и впитаться в нее до самозабвения.

Она никогда не отказывала ему, охотно отзывалась на ласки, и Юрий не задумывался – любит ли она его или для неё наступил тот возраст, когда женщину настигает упоение физической близостью. Жизнь была бесконечна!

Новый директор, сменивший ушедшего на пенсию, перевел Юрия из скотников до заведующего отделением.

Денег в семью это не принесло, а время от семьи отнимало полностью – Уходил засветло, приходил затемно. Скотины в хозяйстве держали много, деньги приходили в семью с продажи мяса на рынках города, но выкармливание свиней и бычка легло на плечи Ольги и старшего Ромки.

Юрий использовал любую возможность зарабатывать, не гнушаясь никакой работой, и вытягивал свою семью из нужды.

На третий год совместной жизни, случилось непоправимое.

В его отделении пропало шестнадцать коров, их просто выкрали, как крали все в последние годы, нагло и организованно.

Взбешенный директор, прикативший на пастбище с милиционером, обвинил его в воровстве, как бывшего зека и единственного кормильца четырех человек.

В ответ Юрка просто двинул своего начальника по физиономии, сломав кулаком блестящий, красный от ярости, нос. Директор рухнул на землю, потеряв сознание.

Коров, спрятанных в дальних оврагах, позже нашли, но, за избиение директора, младший из братьев Яровых вновь получил срок.

Ольга на свидание не приехала ни разу, и он не упрекал её, понимая, невозможность оставить хозяйство и детей, даже на пару дней.

Но она и не писала ему, как, впрочем, не писал из родственников никто.

Юрий, так и не научившись заводить друзей, тянул срок терпеливо и замкнуто.

Столярный цех в зоне позволял ему зарабатывать деньги и выкладываться на работе до отупения. Ему скостили срок, и Юрий вновь появился в селе через три года.

Метель черемухового цвета обсыпала его новенький, хрустящий костюм, и застревала в волосах.

Он брел до дома Ольги на автомате, тысячу раз идя по этой дороге в своих снах на зоне.

Сельские мужики, попавшиеся ему в автобусе, затащили его на заднее сидение, и пластиковый стакан самогона вырубил его до конца поездки.

Его сильно развезло с непривычки, измученные новой обувью ноги жгло огнем, Юрий скинул туфли на обочину и зашлепал по асфальту, оставляя кровавые следы набухшими носками.

Знакомая калитка приветственно заскрипела и, как шесть лет назад, встречая его, на крыльце появилась она с младенцем на руках. Ольга так же, как в его мечтах, стояла, опершись спиной на дверной косяк под розовыми, закатными лучами. Юрий рухнул на колени, ослабев от счастья.

Потом была баня, где Юрий терзал ее тело, пытаясь насытиться, был Ольгин смех и стоны, а он чувствовал себя более одиноким, чем на зоне.

В мечтах она была ближе и роднее.

Ночью опять была самогонка, принесённая сеструхой. Худая, постаревшая Вальша что-то кричала, нападая на Ольгу, пока её, наконец, не выгнали вон, и Юрий окончательно впал в забытье.

Утро наступило поздно, детский плач, разламывал голову. На брошенной на пол шубейке, спала Ольга, некрасиво развалившись раздобревшим телом.

Он отполз к ведру с водой. В соседней комнате устало плакал какой-то младенец, Юрий отодвинул штору и, сфокусировав зрение, увидел в скомканных пеленках мокрого, вонючего ребенка. Тот заревел с новой силой, протягивая к нему ручонки. Лежавшая на полу, в кухне, Ольга невнятно замычала.

Юрий завернул мокрое тельце в наволочку и отнес его в кухню, Ольга, тяжело дыша, все также спала на полу. Юрий высвободил её разбухшую грудь и пристроил малыша.

– Илллююшааа... – вновь замычала она.

Он долго смотрел в окно на двор, пристроившись на табурете.

Где-то мычала, не выпущенная на пасьбу, корова.

Дождавшись, когда насытившийся ребенок отвалился от груди, отнес его на кровать и пошел доить корову. Корова была ему знакома, он сам, телком, привел её с фермы. Это его растрогало, и он подумал, что надо бы к матери прийти с подарком, и он отнесет ей банку молока.

Ольга уже сидела на своем старом диване и докуривала бычки из пол-литровой банки.

– Корову-то напоил? – Невозмутимо спросила она.

Юрий кивнул и вновь сел у окна, достав из кармана пачку «Примы». Прежде в доме курить было нельзя, но многое изменилось за эти годы-окурки горой валялись на тарелке.

Он протянул горящую сигарету Ольге, она курила жадно. Все также пышные волосы пропуская сквозь себя дым и падали ей на лицо. Оба молчали, в стекла бились мухи, и воняло ведро у дверей, все было похоже на дурной сон.

– Пойду в сельсовет, отметить надо. Что из одёжи осталось? Мне бы переодеться.

– Все в кладовке, в шкафу.

Она подняла на него глаза, и он увидел знакомую синеву, бесстрастную, переливающуюся в глубине, и что-то дернулось в нем, зануло, сбрасывая бронь оцепенения.

Уже выходя за порог, Юрий, не оборачиваясь, чтобы не видеть её лица, сказал, – Приберись в доме, я скоро.

Но он вернулся только через три дня, пропив в доме Вальки все деньги, заработанные в зоне.

Слушая маты и вопли сеструхи, Юрий представил себе полную картину жизни Ольги за эти три года. Узнал, почему она не писала ему, почему вчера Валька вцепилась ей в волосы и все кричала о своем сыне Сашке.

– Мой это внучонок! Мой! А она теперь не дает его мне! Ела, пила за моим столом и не дает! Лярва сибирская! Она моего Саньку посадила! Она! Где ему по малолетству денег-то взять? Лю-ю-ю-бит она молоденьких! Вот и воровал!

Валька стучала кулаком по столу, её темные, как у всех Яровых, глаза тусклыми пуговицами плавали, между опухших век и ему хотелось ткнуть в них вилкой, и с хрустом вытянуть из орбит, чтобы все затихло, но она орала как заведенная.

– Брось её, суку! Живи у мамки! Как же! Оценила она тебя! Слезинки не пролила! Ты же на неё мантулил как трактор! Всяк это скажет! Тебя любая баба примет, не тока местная. Езжай в город, положи на неё с прибором... Сашку малолеткой на себя затянула, а теперь убивается, курва!..запилась навовсе!

Они пили пока не кончились деньги, пили в долг, перестав понимать время суток, но однажды, в наступившее мутное утро, все еще пьяный, он перешел дорогу и ввалился в дом Ольги, на ту же шубейку в замызганной кухне.

На работу его взяли. На ферме был нужен электрик, а новый директор совхоза оказался бывшим одноклассником, и Юрий получил шанс-его взяли на работу. Все пошло само собой, без особых усилий, может быть потому, что исчезло стремление жить лучше, и семья Яровых перебивалась детскими пособиями и огородом.

Они пили. Самогонщиков в селе было много, бутылку можно было получить и в долг, и это развращало – небольшая зарплата электрика уходила на выплату за выпивки.

В перерывах между запоями, отмывались стекла на окнах и загаженные полы. В бане отпаривались мальчишки и устраивались стирки, но очередной запой вновь погружал их в грязь и голод.

Ромка встретил Юрия с радостью, напоминая ему то время жизни в Каштаково, когда мальчишка вьюном вился возле него. Ромка легко и хорошо учился, как когда-то училась его мать.

– Слушай, а почему ты не училась дальше? Ведь по тебе любой институт плакал. И чего вдруг замуж вышла, да еще за Ваську тупорылого? Чем он тебя улестил? – Юрий рассматривал голубоватое от лунного света лицо Ольги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.